

И.В. Бабич (Москва)

«...ОТСТАВЛЕН ОТ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В 1722 Г.»

ОТСТАВКА от военной службы (как прирожденного права и вместе с тем обязанности каждого дворянина), ее регламентация с точки зрения полноты освобождения от востребованных государством повинностей или с возможным привлечением к той или иной гражданской должности, возрастные маркеры, экономическая, социальная, личностная составляющие этой процедуры для офицеров петровской эпохи были рубежом экзистенциальным. Предметом специальных исследований этот феномен стал лишь в последние десятилетия, когда определился в качестве важнейшего их источника круг документов лично-служебного учета командного состава. Самым значимым из таких документов для 1720-х гг. являются «сказки» — традиционные для российского делопроизводства XVII–XVIII вв. записи устных показаний служилых людей, поводом получения которых остались столь же традиционные «смотры» уполномоченными на это учреждениями и лицами. Как наиболее масштабная акция этого рода в историографии со 2-й половины XIX в. известен смотр 1721–1722 гг. Он организовывался особой комиссией стольника С.А. Колычева, в тот же период преобразованной в Герольдмейстерскую контору при Сенате. Впредь именно в ней сосредоточились¹ регистрация и распределение служащих на штатные должности государственного аппарата.

Однако «записью приезда» и подачей сказки будущему герольдмейстеру дело не ограничивалось — явившийся лично представлял перед сенаторами, определявшими степень его «статской» годности, отправлявшими к «свидетельству ранга» в Военную коллегию, назначавшими (если военное ведомство не направляло

его опять «в полк» или «в гарнизон») на гражданский пост или отпускаящими «в дом». Процесс мог растянуться на несколько месяцев (например, за счет требования повторной или даже третьей явки перед сенаторами), но участники запомнили его как единый «сенатский смотр» и именно с ним соотносили дату увольнения из армии. Собственно данное обстоятельство, «открытое» автором настоящей статьи при работе над воссозданием биографий руководителей губерний и провинций 1720–1730-х гг.², стало поводом обратить внимание на данный смотр в контексте офицерских отставок и побудило попытаться дать обобщенную характеристику корпуса отставных образца 1722 г. на основе доступных материалов.

С окончанием двадцатилетней Северной войны, перед лицом насущной необходимости адаптации к мирной жизни, к задачам созидания только что провозглашенной империи во всем многообразии ее институций властная интенция «регулярства» распределения сил и средств воплотилась, в частности, в заключении служилого класса в рамки Табели о рангах (январь 1722). Вертикальное перемещение по табельным клеточкам в соответствии с выслугой обозначало индивидуальные жизненные траектории служащих с фиксацией всех персональных перемещений, при учете определяемых посредством смотров категорий годности (к «лучшим делам», «нужнейшим коллежским делам», «другим делам»). Легитимации этого порядка, который с 1722 г. должен был обеспечиваться Герольдмейстерской конторой, предшествовало и сопутствовало массовое анкетирование наличных кадров. В 1720–1721 гг. кампания по сбору заверенных личной подписью сказок офицеров со сведениями о вступлении в службу, частях ее прохождения, участии в боевых действиях, датах чинопроизводства и санкционировавших его персонах прошла в армейских полках. Опубликованы сохранившиеся в РГВИА материалы о ней³.

Аналогичные сведения предполагалось собрать и по губерниям, куда в 1720 г. были разсланы формы сказок⁴ для служащих на местах. Именным указом, объявленным из Сената 30 июля 1721 г., предписывалось прибыть на смотр «царедворцам и дворянам всякого звания и отставным офицерам, которые у дел»⁵, кроме Сибири и Астрахани, разделившись пополам: первой половине — в декабре текущего года, другой половине — в марте следующего. Частные данные о возрасте, объеме и локализации

имущественного состояния, служебных назначениях явившихся на смотр лиц широко используются с XIX в. по настоящее время в трудах самой разной проблематики — от биографической и историко-правовой до краеведческой. Усвоены учеными и суждения, высказанные в трудах С.А. Петровского и М.М. Богословского⁶, о значении сенатского смотра 1721–1722 гг. в контексте сословной организации дворянства и государственного управления. В новейшей литературе его рассматривали в аспекте становления системы военного учета⁷, внутривойсковой и социальной стратегии власти, значимой вехи комплектования личного состава структур центральной и областной администрации⁸.

Для настоящей статьи, в частности, весьма важны наблюдения А.В. Захарова⁹ относительно эвристического потенциала материалов смотра с точки зрения просопографического анализа. Намечая перспективы создания информационно-поисковой системы по категории царедворцев, преимущественно интересующей автора, он заключил, что «вряд ли удастся достичь репрезентативной реконструкции смотров» в условиях фактического состояния источниковой базы.

Это заключение применимо и к данным об отставках офицеров, которые рассредоточены в делопроизводстве Сената, Герольдмейстерской канторы, Военной коллегии и выявлены далеко не полностью. Наличие же сведения зачастую трудно интерпретировать однозначно, поскольку к фиксирующим их документам едва ли применима даже известная максима «гладко было на бумаге, да забыли про овраги». Здесь и на бумаге гладко, точнее ясно, было лишь для непосредственных составителей конкретной бумаги. Например, встречаются комментарии вроде «определения» против имени подполковника В.А. Новикова в так называемом Списке военным чинам (далее СВЧ) — «выписать в доклад против пометы, как над сибирским воеводою Хрущевым»¹⁰.

СВЧ был начат, насколько видно из его опубликованного в 1895 г. текста, как обобщение полученных в 1722 г. сказок отставных, в рангах не ниже майора. Сами сказки, по крайней мере в виде сколько-нибудь цельного комплекса, до сих пор не обнаружены. Подлинник же СВЧ в 2000-е гг. был обнаружен М.В. Бабич в фонде Сената¹¹. Продолжался он столь же бессистемно, как и списки офицеров и дворян, составлявшиеся там в разное время по разным конкретным поводам. То есть пометы о конкретных

назначениях, увольнении, о смерти того или иного лица помещались на полях или в просветах между записями и лишь в единичных случаях снабжались датами. Ориентируясь, главным образом, на единомоментное замещение «потребных» вакансий, герольдмейстерский аппарат обычно не вносил в подобные перечни сведений об отставках представляемых кандидатов. Если же такие сведения запрашивались, то это не отражалось в заголовках «списков статским чинам», «списков военным и статским ... у дел и не у дел, соответственно, не попадало в позднейшие архивные описи и обнаруживается лишь при сплошном просмотре герольдмейстерских и сенатских «книг».

В одной из последних и был найден впервые анализируемый здесь «Список генералитету и штаб-офицерам отставным от службы 1736 году» (далее Список 1736 г.)¹². Он не учитывает участников смотра, умерших ранее, а о тогда еще здравствующих выборочно сообщает, кроме чинов, лишь о ныне занимаемых постах. Информация о судьбе тех, кто считал свою отставку с 1722 г., отложившаяся в разного рода «делах», бесконечно многообразнее формализованных «сказок» и «списков». Однако задача ее систематического поиска среди колоссальных по объему сенатско-герольдмейстерских комплексов едва ли выполнима.

Ситуация с источниковой базой изучения отставок 1720-х гг. качественно изменилась с выходом в свет завершающего масштабную публикацию сказок офицеров полевых и гарнизонных частей корпуса сказок отставных и заполошных (далее СОиЗ). Показания этих двух категорий лиц в издании не разграничены. Как единое целое они рассматриваются и в данной статье: не столько из-за сложности их идентификации, сколько потому, что организаторы смотра воспринимали их в качестве однопорядковых единиц — лиц офицерских рангов вне действующей армии без учета причин, обусловивших этот статус.

Целенаправленно сформированный К.В. Татарниковым из разных «дел» Военной коллегии в РГВИА (по объему все же более скромных, чем современное им наследие в РГАДА) этот корпус состоит из словесных показаний офицеров, представших перед «своим» ведомством в 1716–1728 гг. Поводы их «вызовов», отчасти влиявшие на формуляр и нарратив записей, составителем не оговариваются. В этом массиве выделяются сказки, поданные в рамках «свидетельства ранга», установленного сенатским смотром 1722 г., да и сами тексты сказок пестрят упоминаниями

данного смотра, указа о нем, С.А. Колычева¹³. Будучи частью документального оформления «отставной» акции 1721–1722 гг., СОиЗ¹⁴ содержательно ближе материалам «полевого» анкетирования, чем герольдмейстерского. Здесь часто опущена информация о наличии и возрасте сыновей, о благосостоянии, больше внимания уделено боевому прошлому (если оно было), спорадически возникают сюжеты «обид». Особенностью «коллежской» составляющей документов смотра является преобладание сказок обер-офицеров (915) над штаб-офицерскими (200)¹⁵. Исходя из армейской структуры это кажется закономерно. Но примечательно, что Сенат, насколько можно судить по использовавшемуся там до 1740-х гг. на правах итогового акту СВЧ, сосредоточивал внимание исключительно на штаб-офицерах. Информативная наполненность и количественные параметры СОиЗ относительно 1722 г. — 1211 единиц — обеспечивают репрезентативность предпринимаемого в настоящей статье, в первую очередь на их основе, изучения корпуса отставных и рассматриваются как его главный источник.

Конечно, и он не отвечает на все вопросы, не проясняя, оставлен ли данный офицер в армии после смотра, дана ли ему изначально предполагаемая отставка от военной службы с сохранением, повышением или понижением чина. Вопросы эти лишь в 10 % случаев получают ответ благодаря помещению в публикации почерпнутых в делопроизводстве Военной коллегии данных, сведенных в «Результаты разборов заполошных и назначенных к отставке чинов»¹⁶ с пометами «отставлен», «определен в гарнизонные полки» и др. Из учтенных здесь лиц (957) к смотру 1722 г. относятся 143. Среди упомянутых имен две трети составляют обер-офицеры, 7 % чины унтер-штаб и лишь 9 % (при «повышении по одной ранге» уже в качестве отставных) штаб-офицеры. Возможно ли, что такая «специализация» военного ведомства на фиксации обер-офицерских чинов в сочетании с отмеченной фокусировкой Сената на штаб-офицерах возникла из Инструкции герольдмейстеру от 5 февраля 1722 г., вменявшей Военной коллегии в обязанность предоставление ему именных списков «военных сухопутных и морских, которые из шляхетства, также хотя и не из шляхетства, а дослужились обер-офицерского ранга»¹⁷? Этот вопрос остается открытым.

Сведения СОиЗ ощутимо дополняют неоднократно упомянутый СВЧ, в котором за рассматриваемый период учтено

331 лицо от бригадира до майора (и гвардейцев соответствующих рангов). При общепринятом тогда структурировании списка по чинам внутри «чиновных» разделов имена расположены по хронологии явки на смотр. Резюме, составленные по сказкам в Герольдмейстерской конторе, имеют в виду дальнейшее употребление отставных к «делам» и своевременное определение в службу их сыновей. Поэтому здесь систематически отмечаются возраст «отцов и детей», объем и локализация душевладения, опыт исполнения ими к 1722 г. различных гражданских поручений. От военного же прошлого оставались факты ранений (редко), «свидетельство ранга» (иногда), а также (зачастую) указания на пребывание в гражданских должностях уже на положении отпущенных от полков, что подтверждает известную условность датировки отставок 1722 г., лишь оформленных тогда по новым законодательным нормам, а по прежним — полученных несколькими годами ранее.

То же относится и к Списку 1736 г., не идущему ниже штаб-офицеров, аттестуемых по признакам возраста, имущественной состоятельности и ныне занимаемых постов, и составленному исключительно на базе имевшихся в распоряжении составителей бумаг. Составители Списка 1736 г. явно были озабочены правильностью оформления некогда состоявшихся отставок, отмечая источник их предоставления (именной указ, Сенат и др.). Эти пометы позволяют выделить 92 (из общего списочного числа 747) персоны, которые приобрели статус отставных на смотре 1722 г.

Наконец, на основе наличия данных об отставках на этом смотре в качестве источника использовались биографические справки сборника «Областные правители России. 1719–1739 гг.» (далее Областные правители). Содержательно они близки перечисленным документам и основаны на обширном круге данных лично-учетного характера из делопроизводства и актовых материалов данного периода.

Теоретически имена лиц штаб-офицерских рангов в перечисленных комплексах должны совпасть, исключая Список 1736 г., отделенный значительным временным интервалом (где с СОиЗ, Разбором отставных и СВЧ «пересекаются» лишь 6 человек). Между тем полной корреляции не имеют даже СОиЗ и СВЧ, хотя алгоритм акции — явка к С.А. Колычеву, к сенатскому смотру, в Военную коллегию, фиксация отставки и/или новое

назначение — предполагал тождество данных. В СВЧ помету об отправке в Военную коллегию имеют 167 лиц из 331, явившихся на смотр 1722 г. в штаб-офицерском чине. Из них «потерялись» на какой-то из стадий маршрута 7 человек, назначены по военной части (в гарнизон, в полки) и, соответственно, не вернулись в Сенат 19, были «удержаны» военным ведомством до окончания счетов по прежде исполнявшимся в нем материально ответственным должностям 5. То есть в делопроизводстве Военной коллегии должно было отложиться не более 167 сказок, смотревшихся Сенатом. Опубликовано же таких сказок 198. При этом сказки А.И. Дурова, М.И. Хитрова, И.Б. Яхонтова, чье освидетельствование отмечено СВЧ, в фондах военного ведомства пока не выявлены.

Мотивы освобождения сенаторами от подтверждения ранга более или менее ясны относительно представителей высшего звена управления, вроде коменданта московского гарнизона П.И. Вельяминова-Зернова и обер-коменданта И.П. Измайлова, а также получивших против своего имени отметку «стар». Последнее определение, впрочем, не было решающим. Некоторые офицеры этой категории все же отправлялись к «свидетельству», в том числе В.Л. Залесский 70 лет, Г.И. Коробовский 71 года и даже А.А. Трубченинов — 80 лет. Но более половины отставных, чья участь определялась без Военной коллегии, избежали этой процедуры по не очевидной сегодня логике.

Вместе с тем погружение, с одной стороны, в официальные сводки имен, предназначенные для актуального замещения штатных единиц государственного аппарата, а с другой стороны, в служебные биографии реально занимающих их лиц в 1722 г., уже признанных «старыми» для военных тягот, позволяет, кажется, отчасти постичь упорство высших институтов в запросах на отставных от бригадиров до майоров. Ведь согласно петровским преобразованиям именно те, кто показал себя достойным этих рангов, должны были заполнить коллегии и канцелярии и править в губерниях и провинциях, куда фактически зачастую ехали майоры и капитаны, а за ними поручики и даже прапорщики. То, что умозрительно заданной чиновной планки достичь не удалось, ничего не меняло в идеальных представлениях высших сановников, которые и в 1736 г. выдвигали перед Герольдмейстерской конторой те же требования, что и сенаторы 1722 г. Хотя их похвальные стремления к «доброму порядку»,

скорее, лишь убеждают в сложности его воплощения на практике, позволяя заметить, что 14 человек (согласно Списку 1736 г.) из 92, отметивших свою явку к смотру в 1722 г., в СОиЗ и СВЧ не значатся. Что же касается 144 человек, отставка которых в 1722 г. была зарегистрирована в герольдмейстерском делопроизводстве по фактам их службы в качестве областных «правителей», то из них не фигурируют ни в СОиЗ, ни в СВЧ 29 лиц.

Суммируя сказанное, получаем по рассмотренным источникам, что в конце 1721–1722 гг. на смотр явилось 1387 лиц, на тот момент имевших либо приобретших в его ходе офицерские чины: 1211 лиц представлено в СОиЗ (с параллельными упоминаниями имен в других привлеченных материалах), 133 были отмечены в СВЧ (частично и в других источниках), но не в военном ведомстве, 14 — исключительно в Списке 1736 г., и 29 — лишь в документах, использованных при подготовке «Областных правителей».

Единственной константой источников о смотре 1722 г. предстают имена¹⁸ его выявленных участников. Данные о возрасте, имеющем принципиальное значение для отставки, изменчивы. Сопоставляя дававшиеся под присягой сказки одних и тех же людей, замечаешь, что Д.И. Комарский за четыре года между 1722 и 1726 гг. постарел, как и можно ожидать, с 48 лет до 52, С.М. Воейков же за три года между явками в Военную коллегию с 46 до 51, а И.А. Левицкий за 5 лет и вовсе с 50 до 66. Список же 1736 г., напротив, омолодил В.И. Батурина, И.П. Веселовского, А.П. Заборовского на 3 года, Ф.В. Засецкого и Д.В. Полонского — на 2, С.Н. Болтина — на 5. Причины расхождений здесь могут быть разными, но как общая тенденция и военных, и гражданских служителей (наблюдаемая при реконструкции биографий «правителей») прослеживается прибавление респондентами себе лет по мере продвижения от одной вехи служебного поприща к другой. Что же до колебаний возрастных показателей в Списке 1736 г. и ему подобных, составляемых, по-видимому, не заинтересованными в сроке выхода фигурантов «на заслуженный отдых» канцеляристами, то вопрос, руководствовались ли они сознательно принятой установкой или просто сбивались при механическом перенесении сведений из одних бумаг в другие, приходится оставить без ответа.

Сведения о годах, пусть с вольными или невольными ошибками, сохранились для 1322 человек из 1387. Средний возраст

Возраст	Полковники	Подполковники	Майоры	Капитаны	Поручики	Подпоручики	Прапорщики	Унтер-штаб
До 40	4 %	3,6 %	4 %	3,2 %	10,4 %	19 %	14,6 %	11,9 %
40–50	20,4 %	30,4 %	24,7 %	25,7 %	28,1 %	32,4 %	28,3 %	27,3 %
50–60	40,8 %	36,6 %	53 %	46,7 %	37,6 %	35,1 %	34,2 %	32,1 %
60–70	22,4 %	20,7 %	13,6 %	18,6 %	16,6 %	13,5 %	17,9 %	20,2 %
70–80	8,1 %	6,1 %	2,5 %	5 %	5,2 %	0	3,6 %	4,7 %
Свыше 80	4 %	2,4 %	2,1 %	0,6 %	1,9 %	0	1,3 %	3,5 %

на 1722 г. определяется в 53 года при наибольшей доле лиц от 50 до 60 лет (41 %). Следующую по численности группу (27 %) составляли 40–50-летние, которым несколько уступали ветераны в возрасте от 60 до 70 (примерно около 18 %). Затем с большим отрывом следовали люди моложе 40 лет (чуть более 8 %) и от 70 до 80 (около 4%), а встречались и «сказавшие» за собой 80 лет и более (1,6 %).

Располагая достаточно крупной совокупностью данных о возрасте офицеров в определенных чинах, казалось заманчивым узнать, были, например, отставные капитаны петровской армии моложе или старше майоров и т. д. (см. табл.).

Но произведенные подсчеты обнаружили лишь не требующее комментариев некоторое преобладание категории до 40 лет среди подпоручиков. Внутри же остальных чинов и между ними соотношение разных возрастных групп практически одинаково. Тем не менее однозначные выводы по этому поводу сделать нельзя, так как речь идет о людях, признанных отставными в 1722 г., но армию покинувших в разное время (почему в группу капитанов «около 60» попадает и ветеран, в 1705 г. уволенный 40-летним).

Другая, по меньшей мере столь же важная, как возраст, составляющая самосознания и социального восприятия отставных, их чины, безусловно доступнее для

интерпретации. Однако обработка наличных источников по сложившимся в науке канонам установления корреляции этих маркеров жизненного успеха с продолжительностью службы, социальным происхождением, душевладением и так далее не может быть установлена в рамках одной статьи. Поэтому укажем лишь их весьма примечательное распределение между участниками смотра 1722 г.¹⁹ Это 15 (1,1 %) персон бригадирского ранга, чинов комиссариата и инженерного корпуса, 54 полковника (3,9 %), 91 подполковник (6,6 %), 1 гвардии капитан, 202 (14,6 %) майора, 341 (24,6 %) капитан, 15 капитан-поручиков (1,1 %), 225 (16,2 %) поручиков, 39 (2,9 %) подпоручиков, 313 (22,5 %) прапорщиков, 85 чинов унтер-штаб (6,1 %), 1 гвардии солдат, 4 (0,3 %) унтер-офицерских чина, 1 городской дворянин. Приведенные цифры демонстрируют почти тройное преобладание доли персон штаб-офицерских рангов над аналогичной (8,8 %) в материалах анкетирования действительно служащих 1720–1721 гг. Ведь там — хотя буквальное сопоставление этих цифр по референтным полевым полкам допустимо лишь для самого грубого наброска реальной пропорции — видим 239 штаб-, 1964 обер-офицеров и 490 чинов унтер-штаба.

При попытках как-то объяснить обнаруженную деформацию структуры представленного на смотре 1722 г. корпуса отставных первоначальная гипотеза о более высокой жизнеустойчивости людей с природным здоровьем и способностями в сочетании с материальной обеспеченностью и другими факторами успешной карьеры была опровергнута установленным отсутствием прямой зависимости между «летами» и чинами. Предположение о меньшей «исправности» младших по званию в исполнении грозных указов о немедленной явке вследствие действительной «скудости» в недоступных к тому же карающей воле власти отдаленных «деревнишках» и того, что привычно уклонявшемуся от очередной повинности «маленькому человеку» было нечего терять, по существующим источникам не подлежит проверке. Поэтому ссылаться приходится только на самооправдания все же доехавших в 1722 г. до столиц в нынешних задержках или пропусках предшествующих смотров. Стандартные их ответы: не слышал, повестки / высылки не было, болел, не поехал за «убожеством», помешали некие бедствия (пожар, нападение воровских людей, заставы на дорогах по случаю морового поветрия) или находился в «посылках» (исполнял некое служебное поручение).

Организаторы смотра 1722 г. в большинстве просто принимали подобные показания, не открывая по ним особых «дел». Но в Герольдмейстерской конторе есть и материалы о допросе в позднем «приезде» 83-летнего П.И. Баранова, который повлек за собой привлечение названных им свидетелей — сына, О.П. Баранова, и его сослуживцев А. Головина, П. Апрелева, И. Бутакова: «Преображенского полку солдаты сказали под штрафом военного артикула: в 721 году в ноябре месяце велено им наперед полку идти в Москву и идучи дорогою у оно-го Баранова в доме ночевали и в то число лежал он болен при смерти, а с которого число и по которое число лежал, о том не сведомы»²⁰. Случай этот любопытен не столько колоритностью навсегда оставшегося в истории рассказа, сколько примером соблюдения бюрократического порядка «следования» относительно лица, непреложность отставки которого от военной службы ни у кого не вызывала сомнений. Это относится и к другим старикам на восьмом и даже девятом десятке лет, которых отправляли в Военную коллегию с тем, чтобы, зафиксировав полученное свидетельство, по-прежнему отпустить домой. О том, что такие меры имели воспитательное воздействие на общество, свидетельствовал пример заболевшего в Москве В.Т. Аргамачева²¹. Жена его, «чтоб... не явился указам в противности», добила указ Военной коллегии в Петербурге московскому вице-губернатору. Больной «послан в Медицинскую канцелярию и чрез дохтур-а осматриван, и оный дохтурский осмотр из губернской канцелярии прислан».

Примеры ревностной приверженности букве закона встречаются много реже обратных. Но осознание роли этой «буквы» и символизирующей ее бумаги вполне очевидно. Почти все отставные знают, что их «имя» было «отослано с отпискою», «прислано в Москву ... поручиком», «в списках написано с отставными», «по сказке моей ... и по справке с офицерскими книгами под именем моим отметка “в гварнизоне был”», «на смотре Его Императорского Величества ...помечено над моим именем: “стар”»²².

Подробностей канцелярского и повседневного быта полны ремарки о получаемых подателями сказок указах: копия приложена, а подлинник взял себе; утрачен «пожарным случаем», о чем «в приказной избе челобитье записано»; утрачен «небрежением»; отнят при грабеже, уже после взятия сказки, сохранилась «с

указов копия»²³; не дан на руки, поскольку «иные моя братья такие ж отпущены и им не дано ж»; послана «именная роспись мимо нас» и велено объявить нас в Военном приказе; не получен «за тем, что за раною ... ходить было некому»²⁴. Очевидно, что порядок определенных законом к письменной фиксации «поступков» военнослужащих был общеизвестен, имена записывались, «бумаги» требовались, но систематичность и автоматизм процесса еще не стали его атрибутом.

В стадии становления находились и определения об отставках в новой терминологии. В одних случаях резолюции «отпущен в дом» и «отставлен» отчетливо разграничены, в других они являются синонимами. Домой возвращались и уже негодные ни к какой службе старцы, и назначенные к внесению в «валовой» список Герольдмейстерской канторы как кандидаты на будущие гражданские должности, и отпущенные «за улиществом» без увольнения из армии. Старость как почти обязательное основание для отставки вплоть до укоренения уже в екатерининское время «вольности дворянства» трактовалась еще произвольнее. Один мог отставляться в 46 лет, потому что «стар», а другой в те же 46 отправлен в Военную коллегию, потому что «молод»²⁵.

Офицер первой четверти XVIII в., независимо от того, был ли у него соответствующий документ и насколько ясно он был составлен, никогда не мог быть уверен, что отставлен он окончательно. И.И. Киреевский, в 1704 г. раненный в правую руку с раздроблением кости, сказал: «В Военном шатре во Пскове дохтур досматривал, и подал за своею рукою письмо, что служить мне за теми ранами невозможно ... по указу Императорского Величества ... отпущен ... и повелено явиться в Военном приказе, ... и раны мои досматриваны, и оный отпуск взят у меня в Военный приказ». До 1710 г. он пребывал у «рекрутных дел», а в 1711–1713 гг. служил «с другими ранеными и отставными офицерами в Белегороде»²⁶. Г.М. Неприцкий отставлялся в 1714 г. «по прошению», прослужив 25 лет, но три года спустя он направлен от Военной канцелярии в Архангелогородскую губернию «в гварнизон или к делам», потом был асессором по ведомству Берг-коллегии, снова бил челом о «старости и болезни» и получил подполковничий ранг в Военной коллегии, решение которой о его освобождении неизвестно²⁷.

Особняком среди множества подобных историй стоят вызовы на смотры, несмотря на необратимую инвалидность²⁸. Однажды

полученный по ранению или болезни «отставной указ»²⁹ если не гарантировал, то увеличивал шансы на отъезд «в домишко» впредь. Его обладатель хотя бы мог так думать, подробно перечисляя свои «скорби» и докторские «подлинные описания». Достигали ли цели пространные жалобы — на здоровье, на несправедливость перевода со штатного места в гарнизоне «на ваканц», взамен не бывшего (как сам пострадавший) в баталиях, на поименно названных соседей, которые, вторгшись в дом, били смертным боем (имена обидчиков присутствуют среди «смотревшихся») — удастся выяснить, даже предпринимая специальные разыскания, крайне редко.

Сенаторы, герольдмейстер и члены Военной коллегии располагали предварительными показаниями отставных. Однако руководствовались они, главным образом, все же непосредственным впечатлением и не особенно заботились, отправится ли отставленный от полевой части «в гварнизон или к делам» и насколько долгим будет канцелярское разбирательство какого-либо эпизода его служебной биографии³⁰. Все же отставные 1722 г., часто уже имея опыт других смотров, ничем хорошим для них не кончившихся, продолжали воспринимать сам вызов на смотр как «случай» к заявлению своих заслуг и перемене участи, как праведный суд, а отчасти и некий парад, где можно почувствовать себя в ряду всех. Здесь и провоевавший от Нарвы до Полтавы И.Е. Сомов, лишенный подполковничьего места в 1716 г. в Померании ныне покойным фельдмаршалом Б.П. Шереметевым «в месть» за «недружбу» к его брату В.П. Шереметеву и «по се число» так и не получивший «команды», чей крик души не имел отклика. Здесь же и 80-летний новгородский дворянин А.Г. Мордвинов, который, узнав о смотре, «пошел в Петербург пеш», а оттуда вслед за Сенатом «в Москву пеш», дорогой заболел, после «шел на день помалу», но отметить все же успел³¹.

Отставной контингент, собравшийся вместе в 1722 г., пусть не весь сразу и не в одной Москве, — вообще впечатляет пестротой не только лет и чинов, но и опыта, навыков и кругозора образовавших его людей. Кто-то недавно вернулся из походов в Европу, а кто-то еще застал «вора и бунтовщика» С.Т. Разина, всю Северную войну прожив в деревнях как «положенный на деньги». Признания же хотелось и отправлявшему «механическое дело» у Боровицких порогов, и доставлявшему в войска мундир

и провиант и бившемуся с кочевниками в Сибири и южных степях, где отражение атак многих тысяч «с одним полком» отнюдь не называлось «викторией».

Однако барабанный бой власть обещала не рассказывавшим о своих геройствах, а тем, кто не явился о них «сказать». По указу от 5 февраля 1722 г. их имена именно под барабан надлежало прибить к виселице, пока отобранные для коллежских «дел» будут ожидать персональной конфирмации, «старые» отправятся по домам, а «должностные» — к должностям. Полгода спустя был объявлен (с вознаграждением доносителей) поиск тех, «которые быв в службе и от полков отпущены на время за болезнями и иными случаями, а иные собою отстали, и определились к статским делам, другие же нигде не являсь кроются в разных местах», одни, перестав называться офицерскими чинами, а другие, «не быв в офицерстве, своевольно офицерами называются»³². Неясно, смотр ли 1722 г. побудил Петра к таким заключениям или был только предлогом для них. Однако из совокупности рассмотренных документов можно заключить, что постоянные задачи акции были выполнены — бурно развивающийся государственный аппарат получил новые силы, «имена» попали в списки, а всякий, кто законно или нет, «сбрел в домишко свой», мог убедиться, что не забудут о нем еще долго.

¹ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 284–286.

² Областные правители России. 1719–1739 / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008.

³ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия: сб. док. В 2 т. / Сост. К.В. Татарников. М., 2015.

⁴ Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины: сб. док. В 2 т. / сост. К.В. Татарников. М., 2017. С. 2117 (далее СОиЗ).

⁵ ПСЗ. Т. 6. № 3810. 30 июля 1721. С. 411.

⁶ Петровский С. О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875; Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: Провинция, 1719–1727. М., 1902.

⁷ Калашников Г.В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // КЛИО. 2000. № 3. С. 116–124.

⁸ Бабич М.В. Попытки реформирования политики и практики офицерских отставок в конце 1730-х годов // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. СПб., 2006. Ч. 2. С. 13–17; Бабич М.В. Введение // Областные правители России. 1719–1739 / сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 157–160.

- ⁹ Захаров А.В. Проект информационной системы генерального смотра шляхетства 1721–1722 гг. в контексте изучения массовых источников и регестов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 16 (371). История. Вып. 65. С. 130–139.
- ¹⁰ Список военным чинам 1-й половины 18-го столетия // Сенатский архив. СПб., 1895. Т. 7. С. 687.
- ¹¹ На протяжении XX в. подлинник этого документа считался утраченным. РГАДА. Ф. 248. Кн. 8338. См.: Областные правители России. М., 2008. С. 164.
- ¹² РГАДА. Ф. 248. Кн. 1155. Л. 1–62 об.
- ¹³ СОиЗ. С. 188, 265, 271, 366 и др.
- ¹⁴ Подавляющее большинство относится к осени 1721 — осени 1722 гг., и лишь единичные за весь период сказки 7 бригадиров и 5 высоких комиссариатских чинов и чинов инженерного корпуса поданы тогда же, но вне связи с общей кампанией.
- ¹⁵ Кроме них и вышеперечисленных бригадирско-комиссариатских, в этот массив входят 84 сказки чинов унтер-штаб, 1 сержанта и одного солдата гвардии, произведенного в офицеры при отставке.
- ¹⁶ СОиЗ. С. 2525–2568.
- ¹⁷ ПСЗ. Т. 6. № 3896. 5 февраля 1722. С. 497.
- ¹⁸ Хотя и здесь не все однозначно. Напр., полковник Грибоедов в «Сказках отставных» именуется Алексеем (Любимом) Андреевым сыном, в СВЧ — Любимом Андреевым сыном, а в Списке 1736 г. Любимом Алексеевым сыном. Достаточно распространенным является чередование отчеств Арсеньевич / Артемьевич и т. п. Отчасти дело в простых описках, но в некоторой степени, как это видно из грибоедовского случая, в отсутствии отчетливости в артикуляции самих подателей сказок.
- ¹⁹ Имея в виду начальный момент акции, так как учесть имевшие место перемены в ее ходе чрезвычайно сложно.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 286. Кн. 48. Л. 502–502 об.
- ²¹ СОиЗ. С. 1331.
- ²² Там же. С. 1890, 1255, 1342, 1286–1309.
- ²³ Ф.С. Тишенков рассказывал, что «в нынешнем 1722 г.» в Москве «приезд записал», а как шел «с потехи ночью, и на Девичье поле напали на меня неведомые воры, и били меня смертно и ограбили, и в то время отняли у меня указ». СОиЗ. С. 2122.
- ²⁴ Там же. С. 1746, 1259, 1386, 836–837.
- ²⁵ Там же. С. 141; СВЧ. С. 637.
- ²⁶ СОиЗ. С. 1344.
- ²⁷ Там же. С. 141.
- ²⁸ Там же. С. 641, 1758.
- ²⁹ Признанный глухим еще в 1703 г. прапорщик В.Н. Мертваго, в 1722 г. отпускувавшийся в пятый раз, имел два таких указа. СОиЗ. С. 1758.
- ³⁰ Такие следствия с пересылкой из города в город могли длиться годами. СОиЗ. С. 1305–1306.
- ³¹ Там же. С. 182–183; РГАДА. Ф. 286. Кн. 48. Л. 434–434 об.
- ³² ПСЗ. Т. 6. № 3897. 5 февраля 1722. С. 499; № 3920. 16 марта 1722. С. 516; № 4063. 26 июля 1722. С. 754.